

ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа

Автор:

[Аллен Даллес](#)

ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа

Аллен Даллес

Аллен Даллес, директор ЦРУ в 50–60-х гг., когда шла холодная война между Советским Союзом и США, как никто другой знал о тонкостях борьбы КГБ и ЦРУ и о том, какими методами пользовался КГБ на политической арене мира, где столкнулись в поединке две общественные системы – коммунизм и капитализм. В таких обстоятельствах разведывательные организации обеих стран делали все, чтобы доставить друг другу как можно больше хлопот. Естественно поэтому, что мнение непосредственного участника «войны спецслужб» о знаменитых шпионских операциях будет интересно всем.

Аллен Даллес

ЦРУ против КГБ

Искусство шпионажа

Allen Dalles

IM GEHEIM DIENST

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Сотрудникам Центрального разведывательного управления, мужчинам и женщинам, посвятившим себя делу создания американской разведслужбы

Глава 1

О себе

Интерес к международным проблемам появился у меня рано, фактически еще в детские годы. Я был воспитан на историях о 131-дневном путешествии на парусном судне моего деда с отцовской стороны из Бостона в индийский Мадрас, где он был миссионером. По пути он чуть было не потерпел кораблекрушение. А в юности я часто бывал в Вашингтоне с дедушкой и бабушкой по материнской линии. Мой дед Джон Фостер был государственным секретарем в 1892 году при президенте Гаррисоне[1 - Гаррисон Бенджамин (1833–1901) – 26-й президент США (1889–1893). (Здесь и далее примеч. перев., кроме оговоренных особо.)]. За участие в Гражданской войне он получил звание генерала. Позже был назначен посланником в Мексику, Россию и Испанию. Моя мать в свои юные годы провела много времени в столицах этих стран, а отец получил образование за границей. Я рос в атмосфере семейных дебатов о том, что происходило в мире.

Мои самые ранние воспоминания – об испанской[2 - Испано-американская война (1898), в результате которой США захватили Филиппины, острова Гуам и Пуэрто-Рико и установили протекторат.] и бурской[3 - Англо-бурская война (1899–1902), закончившаяся захватом Великобританией бурских республик в Южной Африке – Трансвааля и Оранжевого свободного государства.] войнах. В 1901 году в возрасте восьми лет я жадно прислушивался к горячим спорам дедушки с его зятем Робертом Лансингом, который стал государственным секретарем при президенте Вудро Вильсоне[4 - Вильсон Томас Вудро (1856–1924) – 28-й

президент США (1913–1921) от демократической партии. Инициатор вступления США в Первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу мира, активно поддерживал создание Лиги Наций.], о достоинствах британцев и буров. Я даже изложил свое собственное мнение по этим вопросам в письменной форме – категорично и с орфографическими ошибками. Записки были обнаружены родителями и опубликованы в виде небольшой брошюры, которая пользовалась большим успехом в Вашингтоне и столичном округе. С таким «насилием над личностью» мне пришлось примириться.

После окончания колледжа в 1914 году за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, будучи в полном неведении о драматических событиях, которые должны были вскоре разыграться, я отправился вокруг света, занимаясь преподавательской деятельностью в Индии, а затем в Китае и совершая длительные путешествия по Дальнему Востоку. В Соединенные Штаты мне пришлось возвратиться в 1915 году, а за год до вступления нашей страны в войну[5 - США вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 г. на стороне Антанты (блок, в который входили Англия, Франция, Россия и еще более 20 государств).] стал сотрудником дипломатической службы.

В течение последующих десяти лет я служил, занимая ряд весьма интересных должностей: вначале в Австро-Венгрии, где в 1916–1917 годах наблюдал начало распада Габсбургской монархии, затем в Швейцарии – наши войска вели тогда боевые действия в Европе, а я собирал разведывательные данные о том, что происходило за линией фронта в Германии, Австро-Венгрии и на Балканах. Таким образом фактически я был в большей степени офицером разведки, нежели дипломатом. В 1919 году меня направили на Парижскую мирную конференцию, где я помогал вести переговоры по заключению Версальского договора, участвовал в определении границ нового государства – Чехословакии и занимался проблемами, касающимися революции в России и установления мира в Центральной Европе. После завершения конференции был в числе тех, кто открыл нашу первую послевоенную миссию в Берлине в 1920 году, а после служебной командировки в Константинополь работал четыре года в качестве начальника отдела Ближнего Востока государственного департамента.

В 1926 году я еще не исчерпал любознательности к мировым проблемам, но истощил свои финансовые ресурсы, поэтому мне пришлось возвратиться к практической деятельности в области юриспруденции, поступив на работу в нью-йоркскую юридическую фирму, старшим компаньоном которой был мой брат[6 - Речь идет о старшем брате Аллена Уэлша Даллеса – Джоне Фостере. С

приходом к власти администрации президента Д. Эйзенхауэра в январе 1953 г. он стал государственным секретарем.]

Эта практика неоднократно прерывалась правительственными командировками, когда я выступал как официальный советник нашей делегации на конференциях Лиги Наций по вопросам сокращения вооружений. В ходе этой работы я встречался с Гитлером, Муссолини, Литвиновым и лидерами Великобритании и Франции.

Я был тесно связан со своим братом Джоном Фостером Даллесом не только практической работой в области юриспруденции. Хотя он и был старше меня на пять лет, мы провели вместе многие годы нашей юности. В летнее время в начале девятисотых годов, да и позже, как только позволяла работа, Фостер и я отправлялись на семейную дачу в Гендерсон-Харбор на юго-восточном берегу озера Онтарио. Ее построил дед Джон Фостер еще в конце прошлого столетия. Он был страстным любителем ловли окуней на удочку. Это увлечение унаследовали и мы с братом. Вскоре к деду присоединились мои отец и мать с пятью детьми, из которых брат Фостер был самым старшим. Зять Фостера – Роберт Лансинг и моя тетя Элеонора Фостер Лансинг завершали команду старшего поколения.

Здесь на лоне прекрасной природы мы не только увлекались рыбалкой, парусным спортом и теннисом, но и вели нескончаемые дискуссии по крупнейшим мировым проблемам, с которыми начала сталкиваться наша страна по мере роста своего могущества. Дискуссии, естественно, имели вес и авторитет, поскольку в них участвовали бывший государственный секретарь и государственный секретарь будущий[7 - Лансинг Роберт (1864–1928) – государственный секретарь в 1915–1920 гг.; Даллес Джон Фостер (1888–1939) – государственный секретарь в 1953–59 гг.]. Мы, дети, были вначале лишь слушателями, но со временем стали принимать самое активное участие в дебатах по международным вопросам. Джон Фостер Даллес часто выступал как оратор, представлявший молодое поколение.

Мы были вместе в Париже в 1908–1909 годах, когда Джон работал над дипломом в Сорбонне, а я готовился к поступлению в Принстонский колледж. С 1914-го по 1919 год наши дороги разошлись, так как я отправился в кругосветное путешествие, а позднее приступил к службе в дипломатической миссии США в Вене. Но мы вновь встретились на Парижской мирной конференции в 1919 году. Наши задачи там были различными. Он принимал участие в работе по

экономическим и финансовым вопросам мирного договора, я же – по политическим. Эта близость была мне дорога и продолжалась в последующие годы. Позже мы работали вместе, когда он стал государственным секретарем при президенте Эйзенхауэре[8 - Эйзенхауэр Дуайт Дейвид (1890-1969) – 34-й президент США (1953-1961) от республиканской партии, генерал армии (1944). С декабря 1943 г. верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе. В 1945 г. командующий оккупационными силами США в Германии. В 1950-1952 гг. главнокомандующий вооруженными силами НАТО.], а я, будучи членом конгресса, при президенте Трумэне[9 - Трумэн Гарри (1884-1972) – 33-й президент США (1945-1953) от демократической партии. Один из инициаторов политики «холодной войны».] получил назначение на должность заместителя директора Центрального разведывательного управления[10 - Даллес Аллен Уэлш (1893-1969) – в 1942-1945 гг. резидент разведки США (Управление стратегических служб) в Европе, в 1951-1953 гг. – заместитель директора Центрального разведывательного управления, а в 1953-1961 гг. – директор ЦРУ.].

Будучи глубоко озабоченным основными проблемами нашего времени и переживая трагедию двух братоубийственных войн между наиболее развитыми странами мира, Джон Фостер своевременно разглядел появление новой опасности делу мира в философии и политике коммунизма. Он стал убежденным сторонником нового Центрального разведывательного управления и поддержал его деятельность, потому что хотел проверить свои собственные впечатления и мнение коллег в государственном департаменте, основываясь на всестороннем объективном анализе проблем, с которыми президенту и ему приходилось сталкиваться. Он всегда пытался определить сильные и слабые стороны того или иного аргумента, используя проверенные данные. Он не строил воздушных замков в международной политике, а старался проверить свои взгляды на оселке жестких реалий разведывательных оценок, расставляющих в определенном порядке элементы любой кризисной ситуации. В задачу разведки как раз и входило снабжение такими данными президента и государственного секретаря.

Как Фостер, так и я, еще со времен нашей прежней деятельности в области юриспруденции и дипломатии находились под сильным влиянием принципов Вудро Вильсона. На нас произвела глубокое впечатление его высокая целеустремленность, которую он проявил в ходе парижских мирных переговоров, где его первой и главной целью было создание Лиги Наций, предназначенной для осуществления политики мира.

Мы разделяли его озабоченность срывом версальских переговоров, которые, несмотря на все то, что предпринимал президент Вильсон, не смогли обеспечить создания реального базиса для прочного мира. Мой брат, как и другие его коллеги по делегации США, боролся против нереалистических пунктов о размерах репараций Германии. А я работал над тем, чтобы смягчить некоторые территориальные решения, которые победители буквально навязывали немцам в Версальском договоре. Все, вместе взятое, что мы тогда могли увидеть, способствовало возникновению у немецкого народа чувства горечи, ущербности и обиды, что в конце концов привело Гитлера к власти и войне в Европе.

Когда в 1941 году война стала угрожать нам, президент Франклин Рузвельт[11 - Рузвельт Франклин Делано (1882-1945) - 32-й президент США (с 1933 г.) от демократической партии (избирался на этот пост 4 раза). Провел ряд крупных реформ (так называемый «новый курс»). В 1933 г. правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР. Внес большой вклад в создание антигитлеровской коалиции. Один из главных инициаторов создания ООН и послевоенного международного сотрудничества, в том числе между США и СССР.] вызвал полковника (он стал впоследствии генерал-майором) Уильяма Донована в Вашингтон и поручил ему создать разветвленную разведывательную службу. В качестве организатора и директора Управления стратегических служб (УСС) - так называли новый секретный орган в период Второй мировой войны - Билл Донован, по моему мнению, может по праву рассматриваться как отец современной разведки Соединенных Штатов. После событий в Перл-Харборе[12 - Перл-Харбор - военно-морская база США на южном берегу острова Оаху (Гавайские острова), нападением на которую 7 декабря 1941 г. Япония развязала войну на Тихом океане.] он попросил меня перейти к нему, и я служил в этом управлении до окончания войны против Германии и Японии.

В течение этих потребовавших много сил и нервного напряжения четырех лет я работал главным образом в Швейцарии, а после окончания военных действий с Германией - в Берлине. Я полагаю, что каждый эпизод моей службы может служить наглядным пособием для освоения профессии разведчика. А у меня такие случаи следовали один за другим. Поэтому воспользуюсь ими для иллюстрации отдельных положений и выводов в этом повествовании. После прекращения боевых действий с Японией я возвратился в Нью-Йорк и возобновил юридическую практику. Но как бы то ни было, все это не мешало мне играть активную роль в разработке законодательных основ для создания в 1947 году Центрального разведывательного управления.

А еще через год президент Трумэн попросил меня возглавить комитет, состоявший, кроме меня, еще из двух членов – Уильяма Джексона, служившего в военное время в армейской разведке, и Матиаса Корреа, бывшего помощника по специальным вопросам военно-морского министра Джеймса Форрестола. В нашу задачу входило составление доклада об эффективности ЦРУ, созданного в соответствии с законом 1947 года [13 - Закон о национальной безопасности (июнь 1947 г.), в соответствии с которым были созданы Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление. Статус последнего был определен специальным законом о ЦРУ (сентябрь 1949 г.)], и характере его связей с деятельностью других разведывательных органов правительства.

Наш доклад был представлен президенту Трумэну в момент его переизбрания, и я возвратился снова к своей юридической практике, полагая, что на этот раз окончательно. Но составление доклада для правительства имеет иногда неожиданные последствия. Вас могут попросить помочь выполнить собственные рекомендации. Именно это и случилось со мной. Наш доклад содержал предложения о некоторых коренных изменениях в организации ЦРУ и, в частности, в системе определения разведывательных оценок. Генерал Уолтер Беделл Смит, который был назначен директором ЦРУ в 1950 году и уже выдвинул в качестве своего заместителя кандидатуру Уильяма Джексона, пригласил меня приехать к нему для обсуждения доклада. Я отправился в Вашингтон, рассчитывая пробыть там недель шесть. Но остался в ЦРУ на одиннадцать лет, из них почти девять в качестве директора управления.

Возвратившись к частной жизни в ноябре 1961 года, я почувствовал, что настало время, чтобы кто-нибудь сказал то, что должно быть сказано о разведке, как жизненно важной структуре нашего правительства. Поразмыслив, я решил, что, наверно, мне удастся сделать это лучше многих.

Я работал над книгой как частное лицо и хочу, чтобы всем было ясно: высказанные здесь взгляды принадлежат лично мне и на их публикацию не испрашивалось специально ни разрешения, ни одобрения Центрального разведывательного управления или других правительственных органов.

Разведка, по-видимому, наименее понятная и наиболее изображаемая в искаженном виде профессия. Одну из причин такого явления вскрыл президент Кеннеди [14 - Кеннеди Джон Фицджералд (1917–1963) – 35-й президент США (1961–1963). Убит в Далласе.] в своем выступлении 28 ноября 1961 года, когда он приехал к нам, чтобы торжественно открыть новое здание штаб-квартиры

ЦРУ в Лэнгли[15 - Лэнгли – пригород Вашингтона на противоположном берегу реки Потомак в штате Вирджиния.] и одновременно распрощаться со мной, как с директором. Он тогда заметил: «О ваших успехах громко не говорят, об ошибках же трубят всюду». Ибо по вполне понятным причинам нельзя ничего говорить об операциях, которые проводятся успешно. Те же, которые терпят неудачу, становятся известны вопреки нашей воле.

Президент добавил тогда еще несколько слов, чтобы подбодрить тысячи сотрудников ЦРУ: «...но я уверен, что вы понимаете, насколько важна ваша работа, сколь она полезна – и как высоко будут оценены ваши усилия на всем протяжении истории. А сейчас я хочу выразить вам свою признательность; уверен, что вы и в будущем будете достойны той похвалы всей страны, которую заслужили в прошлом».

Вряд ли имеет какой-либо смысл ожидать должного понимания разведывательской работы и ее поддержки в стране, где лишь считанные единицы в исполнительных и законодательных органах знают все, касающееся ЦРУ. Все остальные люди пополняют свои знания о разведке из так называемых доверительных историй, написанных авторами, которые сами никогда не имели допуска к первоисточникам.

Конечно, разведывательные секреты не раскрываются по веским причинам. Следует хорошо помнить: то, что известно широкой публике, обязательно становится достоянием противника. Как бы то ни было, строжайшая дисциплина и конспирация – главные составляющие профессионального искусства разведки независимо от того, какая нация ее ведет. Это общеизвестно и не составляет никакого секрета. Но то, что я не вправе раскрывать, так и останется нераскрытым. Это в первую очередь – где, как и когда применялись или будут использованы те или иные оперативные приемы. И мы обязаны молчать до тех пор, пока их не раскроют где-то в другом месте и помимо нашей воли, как, например, в случае с «У-2»[16 - Разведывательный самолет «У-2», направленный ЦРУ в полет над территорией СССР, был сбит 1 мая 1961 г. подразделением зенитных ракет в районе Свердловска.].

ЦРУ не является подпольной организацией. Это вполне легальное учреждение и, чтобы получить точное представление о том, чем оно занимается, следует прочитать закон – Акт о национальной безопасности 1947 года. Конечно, у него есть секретные приложения, и они позволяют Совету национальной безопасности, а в конечном счете и президенту ставить перед управлением и

другие разведывательные задачи, кроме оговоренных в законе. Дополнительные функции, естественно, не раскрываются. Но ЦРУ – отнюдь не единственный правительственный орган, где секретность играет важную роль.

Государственный департамент и министерство обороны также соблюдают строжайшую секретность относительно своей деятельности.

Одним из моих руководящих принципов в разведывательной работе, когда я был директором Центрального разведывательного управления, – использование любых цивилизованных средств для сохранения секретности и безопасности производимых операций, но только там, где это необходимо, не делая из этого фетиша в тех случаях, когда это стало известно как друзьям, так и врагам.

Вскоре после того, как я стал директором, мне пришлось столкнуться с ярким примером, когда секретность при определенных условиях становится совершенно бесполезной. Доктор Милтон Эйзенхауэр, брат президента, условился о встрече со мною. Президент вызвался подвезти его ко мне в управление. Они выехали (я полагаю, не предупредив об этом секретную службу[17 - Секретная служба – специальный орган США, занимающийся охраной президента и членов его семьи, а также борьбой с фальшивомонетчиками. По традиции входит в состав министерства финансов.]), но не могли найти управления, пока не позвонили мне по телефону, чтобы уточнить адрес. Это побудило меня выяснить, для чего нужна такая секретность. В то время на воротах в заборе, окружавшем штаб-квартиру ЦРУ, висела вывеска «Правительственная типография». А водители вашингтонских экскурсионных автобусов имели обыкновение останавливаться недалеко от них, давая возможность экскурсоводам рассказать туристам о том, что за колючей проволокой находится самое секретное учреждение Вашингтона, могущественная американская шпионская организация – Центральное разведывательное управление. Я выяснил также, что фактически каждый водитель такси в столице знал, где находится ЦРУ. Тогда я распорядился снять фальшивую вывеску и повесить у въездных ворот другую, с настоящим названием. И сразу с нас спало покрывало романтичности и таинственности и мы перестали быть загадочным объектом для гостей столицы, а сделались просто одним из правительственных учреждений. Излишняя секретность может нанести вред, как и излишняя болтливость.

Примером, как определенная публикация оказывается полезной в сборе разведывательной информации, может служить то, что случилось со мною во время Второй мировой войны, когда в ноябре 1942 года я был послан в

Швейцарию генералом Донованом из Управления стратегических служб. В Берне я занял должность помощника руководителя нашей дипломатической миссии. Один из наиболее известных швейцарских журналов опубликовал статью, в которой говорилось, что я прибыл туда в качестве специального и секретного представителя президента Франклина Рузвельта. Исходя из этого, могло создаться впечатление, что эта непрошенная реклама будет мешать моей работе. Но произошло совершенно обратное. Хотя я скромно отрицал, что мне приписывали, в сообщении журнала почему-то поверили. А в результате ко мне стали стекаться толпы носителей информации, среди которых, правда, были люди со странностями, но встречались и очень интересные личности. С разведывательной точки зрения, конечно. И если я не мог порой отделить зерен от плевел, то это лишь потому, что не был подготовлен к такой работе. Способность правильно оценивать людей – одно из главных качеств офицера разведки.

Если мы будем пытаться окутывать секретностью все, что касается разведки, это может привести нас к напрасной трате сил и средств для обеспечения безопасности операций, в которых секретность обязательна, чтобы достичь успеха. Каждую конкретную ситуацию следует оценивать, исходя из фактов, имея в виду принцип сокрытия от потенциального противника любой полезной для него информации о секретной разведывательной операции и людях, в ней участвующих. Предписание Джорджа Вашингтона, посланное 26 июля 1777 года полковнику Элиасу Дейтону, не потеряло своего значения для организации и проведения современных разведывательных операций:

«Необходимость организации и ведения надежной разведки несомненна и не требует в дальнейшем доказательств. Мне остается добавить только то, что Вы должны держать все это в секрете насколько возможно. Успех многих предприятий зависит от того, как строго соблюдается секретность, без этого они в большинстве своем терпят провал, даже если их хорошо спланируют и создадут реальные предпосылки для успеха».

А в общем американцам присуще говорить слишком много о делах, которые должны быть секретными. У меня такое чувство, что мы выдаем значительное количество наших секретов, в особенности в области производства вооружений, и что мы часто не видим существенного различия между операциями, которые должны сохраняться в секрете, и теми, которые по своему характеру не являются секретными. Временами случается, что наша пресса слишком усердствует в поисках «сенсаций», связанных с будущими действиями в области

дипломатии, политики и военного планирования. Мы научились понимать значение секретности во время войны, хотя даже и тогда время от времени случались серьезные промахи и совершались неблагоприятные поступки. Но нам следует четко сознавать, что в период «холодной войны» противник постарается использовать любой случай, когда мы ненароком разгласим тайну или допустим какую-либо публикацию, которую можно использовать в разведывательных целях.

Разумеется, при нашей системе государственного правления и с учетом законных интересов общественности и прессы невозможно возвести стену молчания вокруг разведки. Да я и не предлагаю, чтобы это было сделано. Ни конгресс, ни администрация не имели такое в виду, когда принимался закон 1947 года. Более того, нужно давать соответствующую информацию, когда необходимо укрепить доверие общественности к разведывательной деятельности и когда профессия офицера разведки должна получить заслуженно высокую оценку и повсеместное признание.

Самое важное из всего сказанного – это необходимость того, чтобы как лица, имеющие допуск к секретным материалам, то есть сотрудники разведывательных органов, так и общественность разделяли убеждение: тайные операции и вся разведывательная деятельность могут существенно помочь в деле безопасности страны.

Глава 2

Исторический экскурс

В пятом веке до нашей эры китайский мудрец Сунь-Цзы[18 - Сунь - Цзы - древнекитайский военный теоретик и полководец в VI-V вв. до н. э. Автор трактата о военном искусстве, проникнутого стихийной диалектикой (связь войны и политики, факторы победы, стратегия и тактика).] писал, что предвидение является «причиной осведомленности правителя и мудрого разгрома противника, куда бы он ни направлялся». В 1955 году в докладе второй комиссии Герберта Гувера[19 - Герберт Кларк Гувер (1874–1960) – 31-й президент США от республиканской партии в 1929–1933 гг. После Второй мировой войны неоднократно выполнял специальные миссии по поручению

правительства.], занимавшейся анализом разведывательной деятельности, (документ имел консультативный характер), который она представила правительству, отмечалось: «Разведка имеет дело со всем тем, что необходимо знать, прежде чем предпринять какое-либо направленное действие». Оба утверждения, разделенные многими столетиями, имеют то общее, что особо подчеркивают практическое значение использования опережающей информации.

Стремление к получению таких сведений, вне сомнения, покоится на инстинкте выживания. Правитель спрашивает себя: «Что может произойти в ближайшее время? Как будут идти мои дела? Какое именно действие мне следует предпринять? Сколь сильны мои враги и что они замышляют против меня?» Начиная с того времени, когда появились письменные исторические источники, можно отметить, что подобные вопросы задаются не только в связи с деятельностью отдельной, пусть очень значимой личности, но и целых групп людей – рода, племени, нации.

Самыми ранними источниками информации во времена, когда верили во вмешательство сверхъестественных сил в дела людей, были прорицатели, ясновидящие, оракулы, предсказатели и астрологи. А раз так, то было логичным попытаться выяснить у служителей всезнающих богов, что им известно о предстоящих событиях, – понять иносказания святых, разгадать загадки оракулов, разобраться в расположении звезд, правильно истолковать сновидения.

В мифологии и истории религии можно найти многочисленные примеры откровений, предсказывающих поступки и судьбы лиц независимо от того, интересовались те или не интересовались, что с ними будет. И многим из них приходилось иметь дело даже с предсказаниями об исходе трудных военных походов и рискованных сражений. В письменных исторических источниках древности можно найти и такие случаи, которые я рассматриваю как результат своевременного получения разведывательных данных.

Саул накануне своей последней битвы увидел полчища филистимлян; он испугался, и его сердце начало сильно биться. Когда же он обратился к Богу, Господь не ответил ему ни в сновидениях, ни через Урима, ни через провидца. Оказавшись без «источников информации», Саул тем не менее постарался узнать, чем закончится предстоящая битва. Он, как известно, вызвал дух Самуила через колдуна у врат в потусторонний мир и услышал от него, что он,

Саул, потерпит поражение и погибнет. В другой главе книги Самуила мы находим место, где Давид прямо просит Бога о военном совете и получает именно те сведения, которые были ему нужны. «Должен ли я после этого преследовать войска противника? Должен ли я застать их врасплох?» И Он (Господь) ответил ему: «Преследуй, ибо ты непременно застигнешь их врасплох и обязательно одержишь победу».

В Библии описана еще более ранняя «разведывательная операция», которая, правда, носит совершенно иной характер. Здесь Бог советует человеку самому немедленно заняться сбором информации.

Когда Моисей оказался в пустыне с детьми Израилевыми, он получил прямое указание от Господа послать вождей каждого из племен «разведать страну Ханаанскую», которую Всевышний определил им в качестве родины. Моисей дал им инструкцию «осмотреть страну, определить, что она собой представляет, какие там люди проживают – сильные или слабые, много их или мало». Вожди провели в Ханаане сорок дней, выполняя задание. Когда они возвратились, то доложили об этой стране Моисею и Аарону: «Она абсолютно точно изобилует молоком и медом, а вот фрукты, там произрастающие» и показали виноград, гранаты и инжир. Но десять из двенадцати вождей, ходивших в разведку, предупредили: люди, там проживающие, сильнее мужчин Израиля (Иисус и Халеб так не считали). Они, по мнению лазутчиков, «были высокого роста, а города тамошние укреплены валами и очень большие, и зря дети Израилевы ропщут против Моисея и Аарона».

Тогда Господь повелел им – потому что люди проявили к нему мало доверия – «отправиться в пустыню на сорок лет», назначив год за каждый день, которые вожди провели в стране Ханаанской, собрав скудные и неверные сведения.

В этой специфической разведывательной миссии заключено больше, нежели то, что бросается в глаза при первом прочтении. Начать хотя бы с того, что если надо было получить точные и объективные сведения о стране Ханаанской и ее людях, туда не следовало бы посылать политических лидеров, а людей, хорошо знакомых с техникой разведывательного дела, и, конечно, не двенадцать, а двоих или троих. Более того, Моисею и Аарону информация о стране Израиль была не нужна, если они верили Господу. Фактически истинной целью этого задания было не выяснение того, что представляла собой страна Израиль, а что за люди были вожди израильских племен, насколько умны, отважны и честны и можно ли было оказать им доверие. И если только двое выдержали испытание в

глазах Господа, остальные вместе с соплеменниками были осуждены им на изгнание в пустыню и должны были находиться там до тех пор, пока не вырастет новое, более сильное поколение, которое возьмет бразды правления в свои руки.

Это исторический пример, свидетельствующий о том, что разведка должна носить беспристрастный характер, быть максимально объективной, а также о том, что очень часто ею пренебрегают или вообще не ведут. Кассандра, дочь Приама из Трои, в которую был влюблен Аполлон, получила от него пророческий дар. Но как гласит древнегреческая мифология, она отвергла Аполлона. Тогда тот решил наказать красавицу. Он не мог отобрать у нее свой дар, но сделал так, что в ее предсказания никто не верил. Поэтому люди не приняли во внимание предупреждение Кассандры о том, что похищение Елены приведет к войне и гибели Трои. Не вняли они и ее словам об опасности знаменитого троянского коня (кстати, это была одна из первых зафиксированных в истории подрывных операций, отраженная в легенде).

Древние греки с их пессимистическими взглядами на взаимоотношения людей с богами, по-видимому, попадали в затруднительные ситуации даже тогда, когда получали от богов информацию. Ибо эти сведения были настолько загадочны и противоречивы, что не столько проясняли, сколько еще более запутывали обстановку. Рассказы о «разведывательных операциях», которыми полна греческая мифология, главным образом иллюстрируют убеждение, что пути богов и их судьбы неисповедимы для человека.

Древнегреческий историк Геродот сообщает нам, что когда лакедемоняне обратились к дельфийскому оракулу[20 - Дельфийский оракул - оракул при храме Аполлона в Дельфах - одном из религиозных центров в Древней Греции. Роль оракула играла жрица - прародительница Пифия.], чтобы узнать, чем может закончиться военная кампания против Аркадии, оракул ответил, что они будут танцевать в Тегее (часть Аркадии) «под громкий звон». Лакедемоняне истолковали, что, значит, они отметят там свою победу танцами. Они вторглись в Тегею, захватив кандалы, чтобы заковать в них тегейцев и превратить их в своих рабов. Но лакедемоняне потерпели поражение, их самих превратили в рабов, и они были вынуждены работать в поле, закованные в те самые кандалы, которые принесли с собою. Кандалы, естественно, производили тот «громкий звон», о котором упоминал оракул.

В течение последующих веков дельфийский оракул пережил эволюцию, пройдя целый ряд ступеней от сверхъестественного феномена до вполне земного явления. На первых порах дева, сидящая над расселиной в скале, из которой поднимались ядовитые испарения, получала в трансе ответы бога Аполлона на вопросы, которые ему задавались, а жрец истолковывал магические и мистические слова «медиума». Возможность ошибок и предвзятости при этом была, конечно, очень велика. Позже деву заменили женщиной в возрасте старше пятидесяти лет, поскольку посетители, по всей видимости, нарушали таинственность действия оракула, проявляя повышенный интерес чисто человеческого плана к самой жрице. Но это еще не оказывало воздействия на божественный характер откровений.

Что позволило оракулам в большей степени заниматься мирскими делами, так это то, что жрецы, несомненно, располагали разветвленной информационной сетью в греческих землях и были лучше информированы о положении дел в мире, чем люди, приходившие к ним за советом. Информация служителей богов, конечно, не носила ни в коем случае божественного характера, хотя сведения и выдавались за таковые. На еще более поздней ступени, как нам представляется, возникла целая система коррупции в результате того, что часть жрецов владела секретами, которые посетители доверили им. Правитель или богачи, пользующиеся благосклонностью жрецов или давшие им взятки, могли получить от них информацию о своих соперниках или врагах, которые доверили сведения о себе оракулам, когда обращались к ним за советом. И оракулы нередко действительно снабжали своих клиентов отличной информацией и ценными практическими рекомендациями.

В четырехсотых годах до нашей эры искусство разведки на Востоке превосходило то, что делалось в этой области на Западе. Что касается оракулов и пророков, которые, видимо, играли значительную роль в ранние периоды китайской истории, Сунь-Цзы высказывает более практическую точку зрения:

«То, что называется «предвидением», не может произойти ни с помощью духов или богов, ни путем аналогии с событиями прошлого, ни на основе теоретических расчетов, – писал он. – Это сведения, а их нужно получать только от людей, знающих положение противника»[21 - Своими ссылками на Сунь-Цзы я обязан недавно вышедшему отличному переводу книги «Искусство войны» с комментариями генерала Сэма Гриффита (Оксфорд, Кларендон пресс, 1963). (Примеч. автора.)].

В главе «Использование секретных агентов» своей книги «Искусство войны» Сунь-Цзы раскрывает основы ведения шпионажа так, как это практиковалось китайцами в четырехсотые годы до нашей эры. Многие из этого используются и в наши дни. Автор говорит о пяти видах агентуры: местные жители; лица, имеющие доступ к секретным сведениям; двойники; перебежчики и лица, активно действующие. Агентура из местных жителей и лиц, имеющих доступ к секретам, – по сути дела, секретные сотрудники, которых мы сейчас назвали бы агентами, внедренными в разрабатываемый объект. Двойники – термин, использующийся до настоящего времени, что означает вражеского агента, схваченного противной стороной, переведенного и посланного назад, где он начинает выступать уже в качестве агента переведенной его стороны. Агенты-перебежчики – своеобразная китайская хитрость, которую мы рассмотрим несколько позже, когда будем говорить о технике дезинформации. Это агенты, через которых дезинформация поступает к противнику. По Сунь-Цзы, они, перебежав на другую сторону, становятся добровольными заложниками: их могут казнить, если узнают, что их информация ложна. Но готовность пожертвовать собой способствует тому, что противник без колебаний принимает дезинформацию за правдивые сведения. А агенты, которых китайский военачальник называл «активно действующими», позже стали называться агентами внедрения. Они проникают в расположение противника, собирают там информацию и ухищряются возвратиться назад живыми.

Сунь-Цзы заслуживает всяческой похвалы не только за свой выдающийся анализ о путях и методах шпионажа, но и за первые письменные рекомендации по организации разведывательной службы. Он подчеркивает, что руководитель разведки должен использовать все пять видов агентов одновременно, создавая «паутину предвидения». Здесь напрашивается аналогия с рыболовной сетью, состоящей из множества отдельных ячеек. Этим еще не исчерпывается вклад Сунь-Цзы в данную проблему. Он разбирает и вопросы контрразведки, ведения психологической войны, использования ложных слухов и фальсификаций, обеспечения безопасности, короче говоря, все аспекты искусства разведки. Не удивительно, что его труд стал настольной книгой Мао Цзэдуна и рекомендован для изучения деятелям китайской коммунистической администрации. При организации и ведении военных кампаний и сборе разведывательных данных они применяют на практике положения, разработанные китайским полководцем.

Независимый от духов и богов шпионаж, который рекомендовал Сунь-Цзы, осуществлялся в античные времена, естественно, и на Западе. Правда, здесь в гораздо меньшей степени шли в ход софизмы. К тому же в западной части нашей планеты деятельность шпионов была более гибкой и не такой

догматичной.

Хотя большинство письменных источников не вдавалось глубоко в проблемы, которые мы теперь могли бы считать разведывательными, к одной из них можно отнести вторую и более удачную попытку израильтян разведать страну обетованную. Иисус Навин послал двух соглядатаев в Иерихон для шпионажа, и они были приняты в доме блудницы Раав. Это, я полагаю, первый случай в истории, когда письменно упоминается о том, что ныне в разведывательной профессии называется «конспиративной квартирой». Раав укрыла шпионов, а затем вывела их благополучно из города, когда они добыли разведывательные сведения. Израильтяне взяли штурмом Иерихон, разрушили его полностью и истребили жителей, не тронув Раав и ее семью. Так было положено начало традиции вознаграждать тех, кто помогал осуществить разведывательную операцию.

Геродот пишет, что греки послали трех шпионов в Персию перед началом своего вторжения в 480 году до нашей эры с тем, чтобы установить, сколь велики были силы, которые собирал персидский царь Ксеркс. Их схватили на месте преступления и хотели казнить, но Ксеркс отменил казнь и, к великому удивлению своих советников, провел шпионов вокруг своего лагеря, показывая им всех пеших и конных и давая возможность внимательно осмотреть все, что они хотели. Затем он отправил их в Грецию. Замысел Ксеркса заключался в том, чтобы предоставить грекам точную информацию о тех вооруженных полчищах, которые он собрал под свои знамена: это должно было напугать противника и побудить его сдаться без боя. Тем не менее, как мы знаем, греки не испугались. Таким образом, Ксеркс не добился успеха, применив своего рода психологическую диверсию. Я склонен полагать, что Сунь-Цзы посоветовал бы прямо противоположное. Он бы, видимо, порекомендовал персидскому царю подкупить шпионов и отослать их назад с донесением, что его армия значительно меньше, чем была в действительности. Когда же греки позднее натолкнулись бы на неожиданность, она могла бы стать для них роковой. Кроме того, перевербованная шпионская тройка должна была сообщить о том, что происходило в греческом лагере.

Перед началом битвы под Фермопилами Ксеркс и сам послал «шпионов на коне» уточнить, что делают удерживающие перевал греки и каковы их силы. Это было не что иное, как рекогносцировочное задание. Но разведчик подобрался к греческим позициям настолько близко, что мог по возвращении доложить в своем знаменитом донесении: «некоторые из мужчин, которых он там видел,

занимались гимнастическими упражнениями, а другие расчесывали свои длинные волосы». Это был пример «сырой разведывательной информации», как бы мы назвали ее ныне, поскольку она явно нуждалась в анализе и интерпретации.

Получив такие сведения, Ксеркс позвал одного из своих советников, который знал обычаи греков, и тот дал ему такое объяснение: «Эти воины пришли сюда, чтобы отстоять перевал в битве не на жизнь, а на смерть, и к этому они сейчас как раз и готовятся. В их обычае украшать свою голову с величайшей тщательностью перед тем, как вступить в смертельную схватку. Тебе, царь, придется иметь дело с храбрейшими мужами Греции». Ксеркс не придавал большого значения такой оценке и потерял множество своих лучших воинов, бросив войско в лоб на позиции небольшого отряда греков под предводительством Леонида.

В целом в западном мире в античные времена использование шпионажа и его размах, как представляется, зависели от личных качеств и амбиций королей, царей и полководцев-завоевателей, от их склонности к обману и хитрости, их стремления укрепить мощь своего государства и обеспечить его безопасность. Климат Афин в эпоху демократии и Рима в республиканскую эру не благоприятствовал расцвету шпионажа. Правительства осуществляли свою политику открыто, и войны обычно планировались и готовились явно. В секрете хранились лишь данные о численности и дислокации войск, особенно на главных направлениях боевых действий в начале войны. Таким образом, вряд ли была уж очень большая нужда в разведывательной информации и божественных предвидениях. Они все равно не могли оказать большого влияния на исход сражений и развитие успеха. Тем не менее у великих полководцев-завоевателей, таких, как Александр и Ганнибал, в короткий срок сколотивших обширные империи, которые не менее быстро распались после смерти своих создателей, дело обстояло иным образом. Им требовалось неусыпное наблюдение за подвластными народами, чтобы вовремя обнаружить признаки готовящихся восстаний. Быстротечные военные кампании зачастую носили характер рискованных предприятий, где на успех мог рассчитывать тот, кто располагал упреждающими сведениями о силе и богатстве намеренных к покорению государств и о настроениях и моральной стойкости их правителей и народных масс. С очевидностью можно утверждать: все создатели подобных империй – Александр Великий, Митридат Понтийский и Ганнибал – широко использовали разведку и полагались на нее в большей степени, нежели их предшественники и современники. Великий стратег Ганнибал, как известно, перед началом походов всегда собирал информацию не только о военном потенциале своих

противников, но и об экономике их государств, политическом состоянии общества и уровне его морали. Плутарх неоднократно отмечает, что Ганнибал располагал хорошей разведкой и засылал шпионов во вражеский лагерь.

Ганнибал показал гораздо худшее знание иностранных языков, нежели стратегии. Плутарх рассказывает, что полководец, находясь в Южной Италии, приказал разведчикам вывести его на равнину у Касиума (речь шла о городе Кассино, который приобрел широкую известность в период Второй мировой войны): «Они, неправильно истолковав его слова... поскольку его итальянский язык был очень плох, приняли одно понятие за другое и привели его вместе с армией... в район города Касилинума». Местность там была сильно пересечена, и Ганнибал едва не попал в западню, но успел выяснить, кто же ввел его в заблуждение. «Поняв, какую ошибку допустили его разведчики, и оценив, сколь велика была опасность, в которую его ввергли, – пишет далее Плутарх, – он приказал скрутить им руки и повесить». Эту историю часто используют ныне в разведывательных школах, чтобы наглядно показать молодым офицерам, как важно придерживаться точности и в словах, и в действиях.

Митридат разбил римлян, бездействовавших в Азии, как на второстепенном направлении, не в последнюю очередь потому, что под его командой служил выдающийся офицер разведки. В отличие от Ганнибала царь Понта владел двадцатью двумя языками и диалектами и знал местные племена и их обычаи намного лучше римлян.

В средние века в условиях всеобщей политической раздробленности и колоссальных трудностей в транспортировке, снабжении и мобилизации вооруженных сил было невозможно добиться стратегической внезапности в военных кампаниях. Требовались недели и даже месяцы, чтобы сколотить армию. И даже после того, как войско было сконцентрировано, оно могло совершить марш лишь на несколько миль в день. Морем, правда, войска перебрасывались на значительно большие расстояния, однако собрать корабли скрытно было трудно. Например, король Англии Гарольд в 1066 году имел все необходимые разведывательные данные задолго до высадки Вильяма Завоевателя[22 - Вильгельм (Вильям) I Завоеватель (ок. 1027–1087 гг.) – герцог Нормандии. В 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе войско англосаксонского короля Гарольда II, стал английским королем.] в Гастингсе. Сам Гарольд был в Нормандии и видел французскую армию в деле. Он знал, что Вильям планировал нападение, и установил с большой точностью дату намеченной посадки войск на суда и место их высадки в Англии. Ему удалось

также сделать довольно точное предположение о численности войск Вильяма. И все же Гарольд потерпел поражение, но не в результате плохой стратегической разведки, а скорее из-за того, что его войско устало от непрерывных сражений. Он только что разбил датчан, одержав сокрушительную победу под Стенфорд-Бриджем. И к тому же воины его перед схваткой с полчищами Вильяма были до предела измотаны после продолжительного форсированного марша.

Наиболее серьезные политические ошибки правители Западной Европы в средние века совершили по отношению к Востоку в значительной степени вследствие неадекватной разведывательной деятельности. Они постоянно ослабляли Византию вместо того, чтобы поддерживать ее в качестве мощного бастиона против вторжения восточных народов. Европейские правители не сумели распознать ни опасностей, ни последствий, связанных с продвижением татаро-монголов на Запад. Они недооценили и турецкую опасность, когда османы еще собирали свои силы. Впрочем, они настолько находились в плену предубеждений, что все равно совершили бы те же самые ошибки, даже если бы имели лучше поставленную разведывательную службу. Конечно, без таковой у них, можно сказать, вовсе не было шансов, чтобы принять правильные решения.

Европейские правители располагали скудной информацией о Византийской империи и восточных славянах, еще меньше знали о мусульманском мире и почти полностью игнорировали все, что происходило в Центральной и Восточной Азии. Император Фридрих II (1212–1250)[23 - Германский король с 1212 г., император Священной Римской империи с 1220 г.] попытался установить контакт с мусульманскими правителями (и был за свои старания обвинен в ереси), а король Франции Людовик IX (1226–1270) посылал эмиссаров к монголам. В известной книге Марко Поло о Китае содержались материалы, которые могли бы стать полезными для стратегической разведки, но никто не рассматривал их в этом плане. Почти весь период средневековья итальянские купцы обладали значительной информацией о Востоке, но они, к сожалению, редко имели возможность предоставить ее людям, которые определяли европейскую восточную политику. Римские папы неодобрительно относились к стремлению купцов торговать с противниками веры, а короли имели с мусульманами мало контактов.

В XV веке итальянцы сделали значительный вклад в сбор разведывательных данных, учредив свои постоянные представительства за границей. Посланники Венеции имели специальные поручения по сбору стратегической разведывательной информации. Большинство их докладов были весьма

высокого качества, содержали точные наблюдения и проницательные оценки. Постоянные представительства, однако, занимались не только наблюдениями подобного рода, но и закладывали основу, на которой создавалась постоянно действующая агентурная сеть шпионажа. К XVI столетию большинство европейских правительств последовало примеру руководителей итальянских государств.

Поскольку в период раннего средневековья изготовление географических карт было почти неизвестным искусством, важной составной частью разведывательных данных являлись данные о местной географии. Знание брода через реку позволяло армии избежать окружения, а вовремя найденная горная тропа могла стать путем обхода сильной позиции неприятеля. Обычно находились силы и средства, с помощью которых местные жители становились источниками подобного рода информации. Людовик IX, например, выплатил большое вознаграждение бедуинам, которые показали ему место переправы через рукав Нила, что позволило ему неожиданно атаковать мусульманскую армию. Сын Людовика обошел сильную оборонительную позицию в Пиренеях, купив сведения о мало используемой тропинке в горах. Еще шире известен инцидент во время кампании в районе Креси[24 - Креси-ан-Понтье - населенный пункт в северо-восточной Франции, в районе которого во время Столетней войны (1337-1453) в 1346 г. английские войска под командованием короля Эдуарда III разгромили французскую армию короля Филиппа VI.], когда английский король Эдуард III был почти взят в клещи крупными силами французской армии. Пастух показал королю брод для переправы через Сомму, и Эдуард не только избежал преследования, но и, обойдя сильно укрепленную позицию неприятеля, смог в конечном счете разбить французскую армию стремительной атакой.

С ростом национализма и усилением религиозной борьбы в XVI и XVII веках на западной арене стали появляться первые настоящие специалисты разведки - министры и секретари кабинетов, которые посвятили значительную часть своей карьеры организации сбора секретной информации. Этот период времени характеризуется частыми внутренними распрями и гражданскими раздорами, но вместе с тем мы наблюдаем в это же время начало различий между внешней разведкой и внутренней безопасностью. Правда, час для существования двух отдельных служб с различными задачами еще не пробил. Это пришло значительно позже. И все же уже тогда поняли: шпионы дома были столь же важны, как и шпионы за границей, и обе эти категории соглядатаев должны быть руководимы одной и той же рукой.

Один из мастеров двух видов шпионского искусства – сэр Френсис Уолсингем, который прослужил значительную часть своей жизни в качестве главного секретаря (министра) и начальника тайного отдела на службе английской королевы Елизаветы. Руку Уолсингема можно обнаружить во многих крупнейших тайных операциях периода царствования Елизаветы, когда он собирал секретную информацию, провоцировал тайные заговоры, а затем раскрывал их. Вряд ли найдется какой-либо из приемов шпионажа, который не встретился бы в арсенале этого искусного интригана. Благодаря ему глупый и плохо продуманный тайный заговор Бабингтона, имевший целью посадить шотландскую королеву Марию на английский престол, стараниями ловкого главного секретаря принял такие размеры, что в конце концов дал Елизавете правдоподобное основание подписать Марии смертный приговор. Большинство из способных выпускников Оксфорда и Кембриджа были привлечены Уолсингемом к шпионской деятельности. Он засылал их во Францию для продолжения образования, а на самом деле с целью проникновения во двор французского короля с тем, чтобы выведать его намерения против Англии. Кристофер Марло[25 - Кристофер Марло (1534–1593) – английский поэт и драматург.] был, кажется, одним из них, а его преждевременная смерть в скандальной драке в таверне в Дептфорде представляется неудачным результатом одной из интриг Уолсингема.

Одним из самых хитроумных ходов главного секретаря была, несомненно, всесторонне продуманная операция, обеспечившая Англию необходимой морской разведкой, на данных которой базировались ее оборонительные действия против испанской армады, называемой великой[26 - Огромный военно-морской флот (около 800 кораблей, 30 тыс. моряков и 60 тыс. солдат), собранный испанским королем Филиппом II в конце 80-х гг. XVI в. для нападения на Англию.]. Вместо того чтобы действовать напрямую против основной своей цели – двора короля Филиппа II, Уолсингем уклонился от напрашивавшейся открытой рекогносцировочной тактики (за что поначалу подвергался сильной критике) и стал действовать в других сферах, где хорошо знал наличие уязвимых мест, которые могли способствовать его успеху в Испании. Он направил супружескую пару молодых англичан Станденов в Италию, поскольку те имели отличные связи среди придворных короля Тосканы. (Во всех операциях Уолсингема можно обнаружить случаи мнимого принятия другого вероисповедания, что играло важнейшую роль для их успешной реализации: протестанты в данном случае маскировались под католиков, что помогало агентам правдоподобно выдавать себя за идейных противников «еретической» Англии.)

Юный Энтони Станден столь успешно «обработал» тосканского посла в Испании, что тот включил английских агентов в состав своей миссии. Дальнейшее было уже делом шпионской техники: в испанских портах оказались надежные соглядатаи, не англичане по национальности, которых никак нельзя было заподозрить, что они находятся на службе у Уолсингема. А Стандены, обосновавшиеся к тому времени прочно в Тоскане, настолько «приручили» тосканского посла в Испании, что тот разрешил «друзьям» молодой четы посылать письма из Испании в Тоскану через свою дипломатическую почту.

При Уолсингеме вошло в практику, что главный секретарь ее величества перехватывал как внутреннюю, так и иностранную корреспонденцию, вскрывал ее, внимательно прочитывал, вновь запечатывал и посылал дальше по адресу. Если корреспонденция была закодирована или зашифрована, то на этот случай на службе Уолсингема находился эксперт, некто Томас Фелиппес, бывший как криптографом, так и криптоаналитиком, который разрабатывал надежные коды для начальника тайного отдела и в то же время расшифровывал коды, используемые в перехваченных посланиях. Именно Фелиппес прочитал небрежно зашифрованные послания шотландской королевы Марии Стюарт в период заговора Бабингтона.

Короче говоря, Уолсингем создал первую в мире профессиональную разведывательную службу. В качестве равноценной ему фигуры в то время можно считать только французского кардинала Ришелье. Других мастеров шпионажа подобного класса в истории вплоть до XIX века не встретишь.

Чтобы быть более точным, следует отметить, что многое было сделано в этой области шефом разведки генерала Кромвеля[27 - Кромвель Оливер (1599-1658) – деятель Английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии.] – Джоном Турло, но в исторической ретроспективе я не нахожу, что он обладал теми же качествами – находчивостью, изобретательностью и дерзостью, которыми отличался Уолсингем. Ключом к успеху Турло в значительной степени явился внушительный денежный фонд, который находился в его распоряжении. Отмечают, что он расходовал более 70 000 фунтов стерлингов в год. Может быть, размер фонда несколько преувеличен, но документы свидетельствуют, что Турло платил своим шпионам неординарные суммы и вследствие этого ни разу не сталкивался с большими трудностями. Напротив, Уолсингем работал с весьма скромным бюджетом, поскольку королева неохотно развязывала свой кошелек и, как утверждают, ему зачастую приходилось платить своим агентам из собственного кармана. Справедливости ради заметим, что эти суммы были

значительно меньше тех, которыми оперировал Турло.

Последний, как и Уолсингем, имел титул главного секретаря, но к тому моменту его ведомство стало называться «департаментом разведки» – один из ранних случаев официального использования этого обозначения в английском языке для государственного учреждения. Это было, конечно, время великих заговоров, связанных с реставрацией Чарльза Стюарта на королевский трон. Как и Уолсингем, Турло занимался и вопросами внутренней безопасности, и ведением внешней разведки. В целях последней он использовал английских консулов и дипломатов за границей, дополняя их донесения информацией, полученной от секретных агентов. Турло даже в большей степени, чем Уолсингем, доверял сведениям, почерпнутым в результате перлюстрации почтовой переписки. Ему можно поставить в заслугу, что он создал весьма эффективную, с точки зрения контрразведки, почтовую цензуру.

Несмотря на то, что Турло для сбора разведывательной информации использовал простые и надежные методы, его довольно часто вовлекали в мрачные и скандальные интриги. Одна из них, затеянная по подсказке Кромвеля, преследовала цель организовать предательское убийство короля Карла и его братьев – герцогов Йоркского и Клочестерского. Это было ответом на раскрытый Турло роялистский заговор, который готовил покушение на жизнь Кромвеля. Планом шефа секретной службы предусматривалось заманить в Англию всех трех августейших братьев, находившихся во Франции. Экс-короля убедили в том, что на месте высадки заговорщики будут встречены отрядом верных им солдат, которые поднимут восстание и начнут поход на Лондон. Все это звучит теперь, по прошествии многих лет, довольно убедительно и изобретательно. И тем не менее эта провокация по своей тонкости далеко уступает интригам Уолсингема (взять хотя бы псевдозаговор, в который была вовлечена шотландская королева Мария Стюарт). Нам не стоит, однако, гадать, попался бы Карл в такую ловушку или нет, поскольку один из ближайших сподвижников Турло, его секретарь Морленд, выдал заговор королю. Буквально через пять дней после того, как Карл вновь воцарился на троне, Морленд был возведен в рыцарское достоинство и король открыто назвал причину – тот в течение длительного времени исправно снабжал монарха подробной информацией о действиях и планах секретной службы.

Другой примечательный пример успешной разведывательной деятельности в XVII веке дает Швеция, которая сохраняла свои позиции как великая держава в значительной степени благодаря самой сильной разведке в Европе. Тогдашний

посол России в Стокгольме отмечал: «Шведы знают о нас больше, нежели мы сами». Они во время религиозных войн широко использовали шведских протестантов, а также единоверцев других национальностей, скажем французских гугенотов, в качестве секретных агентов. Причем в основном применяли методы Уолсингема. Швеция и в какой-то степени Голландия в те дни ярко показали, как относительно небольшие державы компенсировали слабость своих вооруженных сил лучшей организацией разведывательной работы и более тонкими техническими приемами шпионажа.

В конце XVIII и начале XIX веков стали возникать различия в деятельности по обеспечению внутренней безопасности и сбору зарубежной разведывательной информации. В крупных государствах создаются специальные службы с соответствующими экспертами, которые все в большей степени занимаются разведывательными и контрразведывательными проблемами. Несомненной причиной этого являлись рост внутренних разногласий и угроза восстаний и революций, которые могли привести к нарушению стабильности и подрыву мощи самодержавных и имперских систем в Европе XIX века, в результате чего появляются зачатки секретных полицейских служб, предназначенных для защиты и охраны императоров и правителей.

При Наполеоне – вначале пользовавшийся дурной славой Жозеф Фуше (ловкий карьерист смутных времен Французской революции), а затем полковник Савари по очереди возглавляли министерство юстиции и были одновременно шефами политической секретной полиции и контрразведывательной службы. Сбор военной и политической информации за рубежом в то время находился в руках эльзасца Карла Шульмайстера, который, будучи номинально подчинен Савари, провел серию самостоятельных акций, целью которых было не только получение информации об австрийской армии, но и дезинформация австрийцев о численности и намерениях французских войск.

Появление в XIX веке крупных и агрессивных вооруженных сил в ряде европейских государств постепенно вызвало необходимость передачи вопросов ведения внешней разведки в части непосредственно военных аспектов в ведение армейского руководства. В период до начала Первой мировой войны под эгидой генеральных штабов большинства европейских стран стала создаваться военная разведывательная служба, ставшая основным источником зарубежной разведывательной информации. Ее возглавляли, как правило, военные, которые обычно подчинялись военным министрам. Политическая разведка была оставлена дипломатам.

Пруссия до 1871 года являлась исключением из этого общего правила, прежде всего из-за своей военной слабости, хотя способнейший разведчик Вильгельм Штибер[28 - Штибер Вильгельм (1818–1882) – начальник прусской политической полиции.] и держал в своих амбициозных руках как военную разведку, так и секретную полицию. К его заслугам относятся использование массовой агентуры и метод насыщения района объекта столь большим числом шпионов, что обеспечивало получение детальной информации о военном и политическом положении противника. Агентурная сеть Штибера была и своего рода пятой колонной, с помощью которой достигалось моральное разложение гражданского населения путем распространения провокационных и панических слухов. До этого в целях шпионажа в основном использовались отдельные специально подобранные и занимавшие обычно высокое положение лица. Штибер же не гнушался простыми крестьянами, мелкими купцами, лавочниками, официантами и горничными. Свои методы он широко применил при подготовке нападения Пруссии на Австрию в 1866 году и на Францию в 1870-м.

Численность и оснащенность службы внутренней безопасности находятся, как правило, в прямой зависимости от степени подозрительности и страха правящей клики. При диктаторах и автократических правителях секретная полиция расцветает пышным цветом, эта ужасная паразитическая структура, которая пронизывает все слои народа, все общество. Яркий пример подобной организации можно найти в России XIX века, где тормозившая общественное развитие страны политическая система постоянно испытывала страх перед народными массами, либеральными лидерами, опасными идеями и даже политическим и культурным влиянием своих соседей.

Такое положение дел в России, однако, не являлось новостью или чем-то необычным в XIX веке. В ее ранней истории татары и другие степные народы постоянно испытывали силу русских гарнизонов, находившихся в укрепленных валами и частоколами поселениях. В результате этого у русских возникла ставшая впоследствии чертой национального характера подозрительность, когда кто-либо пытался проникнуть в укрепленный город, и опасение, что истинной целью этих лиц был шпионаж. Традиции выделения пристава (то есть специально приставленного человека к кому-либо) для иностранца, прибывшего с визитом в русское государство, восходят, по крайней мере, к XVI веку. Надзор за чужеземцем и «твердо установленный маршрут» для него в России имеют долгую предысторию. В XVII веке, когда русские стали посылать своих людей за границу для обучения в тамошних университетах, зародилась и другая практика: обычно в каждую группу студентов-россиян включалось доверенное лицо для наблюдения за ними. Обычай включать сотрудника секретной службы в

состав делегаций, принимающих участие в международных конференциях, как это стало теперь очевидным, уходит своими корнями в седую старину.

Наличие государственной политической полиции в России может быть прослежено вплоть до 1826 года, когда царем Николаем I было учреждено Третье отделение Собственной его величества императорской канцелярии. В 1878 году оно было упразднено и его функции переданы охране – охранному отделению Министерства внутренних дел[29 - Так у автора. На самом деле впервые охранные отделения были созданы в 1866 г. в Петербурге, а затем в 1880 г. в Москве и Варшаве. Их полное название – «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка». Подчинялись они Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Основная задача охранных отделений заключалась в розыске революционных организаций и отдельных революционеров. Арест и дознание по материалам, собранным ими, осуществляли губернские жандармские управления. Охранные отделения имели обширную специальную агентуру как «наружного наблюдения» (филеров), так и секретных агентов «в обследуемой среде» (пассивных осведомителей и активных участников революционных организаций – провокаторов).].

Целью создания царской охраны была охрана императора, его семьи и защита императорского режима. Она установила постоянное наблюдение за русским народом, используя огромную армию информаторов. «Охранники» однажды отличились, пустив хвост за Львом Толстым – человеком почитаемым во всей России. Толстой задолго до этого стал всемирно известным литератором и философом, но для охраны оставался лишь армейским лейтенантом в отставке и «подозрительной личностью»[30 - Л. Н. Толстой в отставку вышел в 1866 году, дослужившись до поручика артиллерии, по-нынешнему – старшего лейтенанта.].

В конце XIX века за пределами России находилось столько русских революционеров, радикальных студентов и эмигрантов, что охранка не надеялась больше обеспечить безопасность императорской России лишь подавлением революционных настроений внутри страны. Ей необходимо было расправиться с опасными диссидентами и за рубежом. Агенты охраны стали проникать в организации русских революционеров в Западной Европе. Там они занимались провокационной деятельностью, старались деморализовать членов этих организаций, похищали партийные документы, раскрывали каналы, по которым нелегальная литература переправлялась в Россию. Когда Ленин находился в 1912 году в Праге, он, сам того не ведая, предоставил в своем доме убежище агенту охраны.

Когда большевики пришли к власти в 1917 году, они распустили и в какой-то степени разоблачили старую охранку как типичный репрессивный инструмент самодержавия, заявив, что новое государство трудящихся не нуждается в подобных зловещих институтах для соблюдения законности и порядка. Тем не менее сами они вскоре создали собственную секретную политическую полицию – ЧК[31 - Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем создана по постановлению СНК РСФСР 7 (20) декабря 1917 г. Постановлением ВЦИК 6 февраля 1922 г. вместо ВЧК было организовано при НКВД Государственное политическое управление (ГПУ).], о которой я расскажу чуть позже. ЧК по размаху, мощи, жестокости и двуличности вскоре превзошла все, о чем только мог мечтать царь.

Одна из крупнейших разведывательных служб в XIX веке в Европе была создана не правительством, а частной фирмой – банкирским домом Ротшильдов. Прецедентом послужила деятельность существовавшей задолго до того – в XVI веке – банкирской семьи Фуггер в Аугсбурге, которая создала финансовую империю весьма внушительных размеров, давая займы деньгами разорившимся суверенам и государствам, что, впрочем, делал позднее и Ротшильд. То, что Фуггеры сделали мало ошибок, размещая свои инвестиции, являлось в значительной степени результатом отлично поставленной частной службы сбора разведывательной информации. Ротшильды же, как только почувствовали свою силу, стали извлекать выгоду не только для своих клиентов, но и для себя самих, также благодаря тому, что организовали оперативное получение шпионских сведений.

Обеспечивая финансовые интересы своих работодателей, агенты Ротшильда во Франкфурте-на-Майне, Лондоне, Париже, Вене и Неаполе зачастую добывали ту или иную важную информацию раньше, чем ее получали соответствующие правительства. Так, в 1815 году, когда Европа ожидала сведения об исходе битвы под Ватерлоо[32 - Населенный пункт в Бельгии, к югу от Брюсселя, под которым 18 июля 1815 г. была разгромлена армия Наполеона I английскими и прусскими войсками.], Натан Ротшильд в Лондоне уже знал, что англичане одержали победу. Он стал на бирже играть на понижение, продавая ценные бумаги британского правительства. Конкуренты, внимательно наблюдавшие за каждым его шагом, решили, что британцы и их союзники потерпели поражение, и последовали примеру хитрого финансиста. Однако тот в подходящий момент скупил акции по низкой цене и, когда наконец пришла весть о победе над Наполеоном, получил огромные барыши.

Шестьюдесятью годами позже у Лионеля Ротшильда, потомка Натана, на званом ужине в качестве гостя присутствовал Дизраэли[33 - Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфилд (1804–1881) – видный английский политический деятель. Лидер партии тори, а затем консерваторов. Был министром финансов, много лет возглавлял консервативное правительство.]. Сидя за столом, Лионель получил секретное известие, что контрольный пакет акций компании Суэцкого канала, владельцем которого был хедив[34 - Хедив (перс. – господин, государь) – титул египетских правителей в 1867–1914 гг.] Египта, предложен для продажи. Премьер-министр заинтересовался этой идеей и выяснил, что за покупку необходимо уплатить 44 миллиона фунтов стерлингов. Парламент в это время был на каникулах, и он не мог быстро получить указанную сумму. Тогда Лионель купил акции для британского правительства, предоставив Дизраэли возможность совершить одну из самых удачных сделок в своей карьере. Ходили слухи, что некоторые успешные операции Ротшильда были проведены в результате использования почтовых голубей. Правда, для таких слухов оснований было мало, хотя один из Ротшильдов, оказавшись в окруженном пруссаками Париже – это было в 1870 году, прибегнул к помощи воздушных шаров, а возможно, и почтовых голубей для установления связи с внешним миром. Весть о прекращении военных действий распространилась в большей степени благодаря этим средствам, нежели обычным каналам связи.

Великие европейские державы вступили в Первую мировую войну, имея разведывательные службы, которые ни в коей мере не соизмерялись с мощью и оснащённостью их вооружённых сил и были не в состоянии справиться со сложным характером предстоящего конфликта. Это касалось обеих сторон – как Антанты, так и центральных держав. Французская военная разведка была сильно потрясена аферой Дрейфуса[35 - Судебное дело по несправедливому обвинению в шпионаже в пользу Германии офицера французского Генерального штаба Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности, сфабрикованное в 1894 г. реакционной французской военщиной, стало предметом ожесточённой политической борьбы во Франции в конце XIX – начале XX в.] и втянута во внутренние распри и интриги. Она допустила огромную ошибку, установив вдвое меньшую численность немецкой армии по сравнению с той, с которой пришлось французам, англичанам и русским столкнуться на поле боя в 1914 году.

Немецкая разведывательная служба, которая при Штибере в 1870 году действовала достаточно эффективно, попала в полосу забвения после его ухода в отставку. Для германского генерального штаба в 1914 году были типичными высокомерие и самонадеянность. Немецкие генштабисты презрительно относились к разведке, игнорировали её важность.

Русские незадолго до войны добились своего крупнейшего разведывательного успеха благодаря предательству офицера австрийского генерального штаба полковника Альфреда Редля, арестованного в 1913 году. Я еще вернусь к нему в последующих главах. От Редля Петербург получил разработанные в Вене планы войны, которые помогли русским нанести поражение австро-венгерской армии в ряде сражений начального периода Первой мировой войны. Правда, в Вене успели изменить некоторые планы, вследствие чего русские, слепо доверяя материалам Редля, часто сталкивались с серьезными затруднениями. К тому же они на удивление беззаботно относились к связи с войсками на поле боя: приказы отдавались открытым текстом – незашифрованно и незакодированно. Немцы радостно потирали руки, получая без всякого труда важную информацию о противнике.

Австрийцы, видимо, в какой-то степени смогли компенсировать предательство Редля, используя своего агента Альтшиллера[36 - Альтшиллер – немецкий коммерсант, проживавший в России. Но это было лишь его прикрытием. На самом деле он офицер австро-венгерской армии, резидент немецкой и австро-венгерской разведок в Киеве, а затем в Петербурге. Считают, что ему удалось завербовать жену российского военного министра Сухомлинова.], приближенного царского военного министра Владимира Сухомлинова и его жены. Сухомлинов, фаворит императорской семьи, проявил достаточно здравого смысла и держался на расстоянии от другого любимца царской четы и дворцовой камарильи – Распутина[37 - Распутин (Новых) Григорий (1864 или 1865–1916), фаворит императора Николая II и его жены. Под маской религиозного фанатика вел разгульную жизнь, за что получил прозвище Распутин, ставшее затем его фамилией. Сумел внушить Николаю II и его жене, что только он своими молитвами сможет спасти больного гемофилией наследника Алексея и обеспечить «божественную» поддержку царствованию Николая II. Стремясь спасти царскую власть от дискредитации, монархисты Ф. Юсупов, В. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович убили эротомана и авантюриста Распутина. «Распутинщина» явилась ярким проявлением распада и вырождения царского режима, всей правящей верхушки Российской империи.]. Но к сожалению, военный министр не блистал умом. Более того, он был просто глуп, продажен и некомпетентен. Да еще имел привычку разбрасывать всюду в своем доме важные военные документы. У немцев был агент в ближайшем окружении министерской четы – некий полковник Мясоедов, считавшийся любовником мадам Сухомлиновой. В 1915 году он был разоблачен русской военной контрразведкой как германский шпион и кончил свою жизнь на виселице.

В целом можно все же сказать, что в течение Первой мировой войны велась эффективная шпионская деятельность, за исключением тактической разведки наземных операций. Здесь дело обстояло значительно хуже, особенно на фронтах в Европе. Разведывательные операции были связаны в основном с ведением войны на морском театре. Англичанам удалось добыть немецкий военно-морской код, что позволило Британии, как говорится, держать голову над водой даже в самые тяжелые для нее дни войны.

Лоуренс Аравийский[38 - Лоуренс Томас Эдуард (1888–1935) – английский разведчик. Занимался шпионской деятельностью в Сирии, Палестине, Аравии, Египте. С территории Индии вел подрывную работу против Афганистана и СССР.] на Среднем Востоке и немец Васмус[39 - Капитан Васмус – немецкий разведчик. Перед Первой мировой войной был немецким консулом в персидском городе Бушир. После начала военных действий поднял местные племена против англичан. Организовал ряд успешных диверсий.] в Персии смогли добиться несомненных успехов в подрывной деятельности и подстрекательстве беспорядков и восстаний, что оказало прямое воздействие на ход военных действий в этих районах. Немецкий шпионаж и диверсии в Соединенных Штатах могут быть отнесены к наиболее успешным акциям разведки Берлина в Первой мировой войне, отчасти, конечно, благодаря недостаткам нашей контрразведки.

Первая мировая война вызвала к жизни ряд новшеств в сфере шпионажа. Одно из них – использование радиоперехватов, что открыло широкую возможность получения разведывательных данных из большого количества тактических, а порой и стратегических сведений. Второе – внедрение в практику секретных служб успешных методов прочтения кодированных и зашифрованных сообщений.

Соблюдение нейтралитета некоторыми, со стратегической точки зрения, выгодно расположенными странами, такими, как Швеция, Норвегия, Голландия и Швейцария, дало толчок к применению новой тактики ведения шпионажа на одну страну через другую. Серьезные меры нейтралов не допустить использования своих территорий в целях разведки не дали положительных результатов. В дальнейшем этот прием стали применять и в мирное время, в частности, в Европе. И, наконец, Дальний Восток самым решительным образом заявил о себе в сфере международного шпионажа: японская секретная служба стала высоко эффективным и опасным субъектом разведывательного мира.

Период между двумя мировыми войнами ознаменовался ростом числа разведывательных служб и усложнением их внутренних структур. Для новых диктаторских режимов в Германии, Италии, Японии и СССР шпионские органы стали главным инструментом политического, военного и экономического зондирования за рубежом и подготовки своей экспансии. В то же время свободные страны, в особенности Англия, перед лицом угрозы диктаторских режимов были вынуждены взять на себя новые – весьма крупные и ответственные разведывательные задачи. Бесшумные сражения между секретными службами обеих сторон во время Второй мировой войны изобиловали яркими эпизодами, к которым я возвращусь несколько позже. Сотрудничество разведывательных органов стран антигитлеровской коалиции отличалось высокими результатами и не имело подобных примеров во всей истории. У наших противников такого не было.

Во время войны я был сотрудником УСС[40 - УСС – Управление стратегических служб – стратегическая разведка США, созданная в 1942 г. Ликвидирована после войны. Некоторые ее структуры и кадры были обращены на формирование ЦРУ, которое начало функционировать в 1947 г.]. Мне выпала приятная возможность поработать с моими коллегами из британской разведки. Тогда между нами установились весьма тесные деловые и личные отношения, которые мы поддерживали и после войны.

В Швейцарии у меня были контакты с группой французских офицеров, которые выполняли задачи, возлагавшиеся ранее на второе бюро (французская разведка). Они помогли создать разведывательную службу генерала де Голля и Свободной Франции. В конце войны, когда Италия порвала с фашизмом и примкнула к союзникам, установилось сотрудничество с частью итальянской секретной службы, оставшейся верной королю Виктору-Эммануилу.

Поддерживал я связь и с подпольной антинацистской группой в абвере – службе военной разведки и контрразведки Верховного главнокомандования немецких вооруженных сил. Эта группа составила заговор против Гитлера. Шеф абвера адмирал Канарис, весьма неординарная личность, был казнен. Это случилось после того, как в ходе расследования неудавшегося покушения на фюрера в 1944 году гестаповцы документально доказали связь Канариса с заговорщиками.

Сотрудничество военного времени внесло, я полагаю, немалый вклад в объединение целей разведывательных служб свободного мира. После войны

свободная Германия (Западная) добавила в это дело свою значительную лепту. Все, вместе взятое, помогло нам противостоять массированным атакам, которые ныне предпринимаются против нас разведывательными службами и органами безопасности государств коммунистического блока.

Глава 3

Становление американской разведки

В истории Соединенных Штатов вплоть до периода Второй мировой войны отмечено немного случаев разведывательной деятельности правительства, за исключением, понятно, военного времени. С установлением мира разведывательные организации, вызванные к жизни необходимостью соответствующим образом обеспечивать боевые действия, каждый раз значительно сокращались или вообще ликвидировались. Знания и опыт, приобретенные в лихую годину вооруженных конфликтов, терялись и забывались. Когда в истории нашего государства возникали кризисы – характерный пример – Перл-Харбор, – сотрудникам разведки приходилось начинать все с самого начала.

Разведка, особенно в период нашей ранней истории, имела практически неформальную основу и нечеткую организацию. Поэтому – что особенно важно знать историкам и лицам, изучающим становление разведывательных органов Вашингтона, – в архивах почти нет официальных документов на сей счет. Шпионские операции проводились зачастую по личной инициативе какого-либо генерала или дипломата соответствующего ранга. Впрочем, в те времена такое положение вещей гарантировало определенную безопасность, которой часто недоставало позже, когда секретные донесения готовились в семи экземплярах от руки или же, более того, размножались на mimeографе в еще большем количестве и рассылались широкому кругу официальных лиц часто без малейшего учета интересов разведки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гаррисон Бенджамин (1833–1901) – 26-й президент США (1889–1893). (Здесь и далее примеч. перев., кроме оговоренных особо.)

2

Испано-американская война (1898), в результате которой США захватили Филиппины, острова Гуам и Пуэрто-Рико и установили протекторат.

3

Англо-бурская война (1899–1902), закончившаяся захватом Великобританией бурских республик в Южной Африке – Трансвааля и Оранжевого свободного государства.

4

Вильсон Томас Вудро (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921) от демократической партии. Инициатор вступления США в Первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу мира, активно поддерживал создание

Лиги Наций.

5

США вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 г. на стороне Антанты (блок, в который входили Англия, Франция, Россия и еще более 20 государств).

6

Речь идет о старшем брате Аллена Уэлша Даллеса – Джоне Фостере. С приходом к власти администрации президента Д. Эйзенхауэра в январе 1953 г. он стал государственным секретарем.

7

Лансинг Роберт (1864–1928) – государственный секретарь в 1915–1920 гг.; Даллес Джон Фостер (1888–1939) – государственный секретарь в 1953–59 гг.

8

Эйзенхауэр Дуайт Дейвид (1890–1969) – 34-й президент США (1953–1961) от республиканской партии, генерал армии (1944). С декабря 1943 г. верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе. В 1945 г. командующий оккупационными силами США в Германии. В 1950–1952 гг. главнокомандующий вооруженными силами НАТО.

Трумэн Гарри (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953) от демократической партии. Один из инициаторов политики «холодной войны».

Даллес Аллен Уэлш (1893–1969) – в 1942–1945 гг. резидент разведки США (Управление стратегических служб) в Европе, в 1951–1953 гг. – заместитель директора Центрального разведывательного управления, а в 1953–1961 гг. – директор ЦРУ.

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – 32-й президент США (с 1933 г.) от демократической партии (избирался на этот пост 4 раза). Провел ряд крупных реформ (так называемый «новый курс»). В 1933 г. правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР. Внес большой вклад в создание антигитлеровской коалиции. Один из главных инициаторов создания ООН и послевоенного международного сотрудничества, в том числе между США и СССР.

Перл-Харбор – военно-морская база США на южном берегу острова Оаху (Гавайские острова), нападением на которую 7 декабря 1941 г. Япония развязала войну на Тихом океане.

13

Закон о национальной безопасности (июнь 1947 г.), в соответствии с которым были созданы Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление. Статус последнего был определен специальным законом о ЦРУ (сентябрь 1949 г.).

14

Кеннеди Джон Фицджералд (1917–1963) – 35-й президент США (1961–1963). Убит в Далласе.

15

Лэнгли – пригород Вашингтона на противоположном берегу реки Потомак в штате Вирджиния.

16

Разведывательный самолет «У-2», направленный ЦРУ в полет над территорией СССР, был сбит 1 мая 1961 г. подразделением зенитных ракет в районе Свердловска.

17

Секретная служба – специальный орган США, занимающийся охраной президента и членов его семьи, а также борьбой с фальшивомонетчиками. По традиции входит в состав министерства финансов.

18

Сунь – Цзы – древнекитайский военный теоретик и полководец в VI–V вв. до н. э. Автор трактата о военном искусстве, проникнутого стихийной диалектикой (связь войны и политики, факторы победы, стратегия и тактика).

19

Герберт Кларк Гувер (1874–1960) – 31-й президент США от республиканской партии в 1929–1933 гг. После Второй мировой войны неоднократно выполнял специальные миссии по поручению правительства.

20

Дельфийский оракул – оракул при храме Аполлона в Дельфах – одном из религиозных центров в Древней Греции. Роль оракула играла жрица – прародительница Пифия.

21

Своими ссылками на Сунь-Цзы я обязан недавно вышедшему отличному переводу книги «Искусство войны» с комментариями генерала Сэма Гриффита (Оксфорд, Кларендон пресс, 1963). (Примеч. автора.)

22

Вильгельм (Вильям) I Завоеватель (ок. 1027–1087 гг.) – герцог Нормандии. В 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе войско англо-саксонского короля Гарольда II, стал английским королем.

23

Германский король с 1212 г., император Священной Римской империи с 1220 г.

24

Креси-ан-Понтье – населенный пункт в северо-восточной Франции, в районе которого во время Столетней войны (1337–1453) в 1346 г. английские войска под командованием короля Эдуарда III разгромили французскую армию короля Филиппа VI.

25

Кристофер Марло (1534–1593) – английский поэт и драматург.

26

Огромный военно-морской флот (около 800 кораблей, 30 тыс. моряков и 60 тыс. солдат), собранный испанским королем Филиппом II в конце 80-х гг. XVI в. для нападения на Англию.

27

Кромвель Оливер (1599–1658) – деятель Английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии.

28

Штибер Вильгельм (1818–1882) – начальник прусской политической полиции.

29

Так у автора. На самом деле впервые охранные отделения были созданы в 1866 г. в Петербурге, а затем в 1880 г. в Москве и Варшаве. Их полное название – «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка». Подчинялись они Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Основная задача охранных отделений заключалась в розыске революционных организаций и отдельных революционеров. Арест и дознание по материалам, собранным ими, осуществляли губернские жандармские управления. Охранные отделения имели обширную специальную агентуру как «наружного наблюдения» (филеров), так и секретных агентов «в обследуемой среде» (пассивных осведомителей и активных участников революционных организаций – провокаторов).

30

Л. Н. Толстой в отставку вышел в 1866 году, дослужившись до поручика артиллерии, по-нынешнему – старшего лейтенанта.

31

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем создана по постановлению СНК РСФСР 7 (20) декабря 1917 г. Постановлением ВЦИК 6 февраля 1922 г. вместо ВЧК было организовано при НКВД Государственное политическое управление (ГПУ).

32

Населенный пункт в Бельгии, к югу от Брюсселя, под которым 18 июля 1815 г. была разгромлена армия Наполеона I английскими и прусскими войсками.

33

Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфилд (1804–1881) – видный английский политический деятель. Лидер партии тори, а затем консерваторов. Был министром финансов, много лет возглавлял консервативное правительство.

34

Хедив (перс. – господин, государь) – титул египетских правителей в 1867–1914 гг.

Судебное дело по несправедливому обвинению в шпионаже в пользу Германии офицера французского Генерального штаба Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности, сфабрикованное в 1894 г. реакционной французской военщиной, стало предметом ожесточенной политической борьбы во Франции в конце XIX – начале XX в.

Альтшиллер – немецкий коммерсант, проживавший в России. Но это было лишь его прикрытием. На самом деле он офицер австро-венгерской армии, резидент немецкой и австро-венгерской разведок в Киеве, а затем в Петербурге. Считают, что ему удалось завербовать жену российского военного министра Сухомлинова.

Распутин (Новых) Григорий (1864 или 1865–1916), фаворит императора Николая II и его жены. Под маской религиозного фанатика вел разгульную жизнь, за что получил прозвище Распутин, ставшее затем его фамилией. Сумел внушить Николаю II и его жене, что только он своими молитвами сможет спасти больного гемофилией наследника Алексея и обеспечить «божественную» поддержку царствованию Николая II. Стремясь спасти царскую власть от дискредитации, монархисты Ф. Юсупов, В. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович убили эротомана и авантюриста Распутина. «Распутинщина» явилась ярким проявлением распада и вырождения царского режима, всей правящей верхушки Российской империи.

Лоуренс Томас Эдуард (1888–1935) – английский разведчик. Занимался шпионской деятельностью в Сирии, Палестине, Аравии, Египте. С территории Индии вел подрывную работу против Афганистана и СССР.

39

Капитан Васмус – немецкий разведчик. Перед Первой мировой войной был немецким консулом в персидском городе Бушир. После начала военных действий поднял местные племена против англичан. Организовал ряд успешных диверсий.

40

УСС – Управление стратегических служб – стратегическая разведка США, созданная в 1942 г. Ликвидирована после войны. Некоторые ее структуры и кадры были обращены на формирование ЦРУ, которое начало функционировать в 1947 г.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dalles_allen/cru-protiv-kgb-iskusstvo-shpionazha

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)